

Русское искусство
первой
четверти
XVIII
века

материалы
и
исследования

Под редакцией
Т. В. АЛЕКСЕЕВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1974

Н. А. Евсина **Из истории архитектурных взглядов
и теории начала XVIII века**

Сложны и противоречивы пути развития русской эстетической мысли петровского времени. Складывалось новое художественное мировоззрение, менялись привычные вкусы и пристрастия, представления о красоте архитектуры, ее законах. Но проследить последовательность отдельных явлений трудно, а иногда невозможно — многое совершалось одновременно.

Причин этому более чем достаточно. На человека, родившегося в XVII в., воспитанного в традициях Древней Руси, «опрокинулось» слишком много новых и неожиданных впечатлений — разобраться в них оказалось трудно. Еще сложнее было изменить прежним критериям, принять и полюбить новое искусство, сделать своим мир вещей, доселе чуждый, непонятный, неуютный, хотя и интересный, но психологически чуть ли не враждебный.

Это относилось к людям разных поколений; к тем, кто принадлежал к просвещенным кругам конца столетия, или, наоборот, отвергал все иностранное; к творцам архитектуры «нарышкинского барокко» и к их ученикам, будущим строителям новых городов; толмачам, гонцам Посольского приказа, давно узнавшим книги и страны Запада, и к обитателям боярских палат, чей внешний мир ограничивался родовыми вотчинами; к иконописцам московской Оружейной палаты и ученикам петербургской Морской академии; наконец — к самому Петру.

К тому же историческая обстановка первой четверти столетия, характер русской художественной культуры сами по себе достаточно сложны и противоречивы. Вовсе не целостную картину являла собой и архитектурно-строительная практика. Так, хотя как будто очевидны были глубокие изменения основ древнерусского зодчества, всюду и одновременно — на территории огромной страны и в пределах одного города, в одном доме — происходили события, бытовали произведения самого различного плана: новое соседствовало, органически переплеталось со старым. Даже Петербург 1720-х годов выглядел незаконченным и несовершенным городом, где многое только начиналось¹.

Но при всем том буквально на глазах менялась окружающая среда: одежда и мебель, стены и их декор, посуда и книги, высота потолков и размеры окон, внешний облик домов и ширина улиц. Обновлялся постепенно средневековый русский город, быт и внутренний мир его обитателей. Архитектура, преобразование строительного дела стали частью реформ Петра. И отношение ко всему этому вряд ли было безразличным.

Более того, пожалуй, именно через восприятие архитектуры наиболее полно проявляется изменение художественного мировоззрения людей петровского времени, их вкусов и оценок, их представлений о «свободных науках» и «художествах». К 1720-м годам процесс дает себя знать совсем иначе. Но на грани веков это особенно очевидно, что подтверждает весьма разнородный материал.

Собственно теоретические архитектурные труды раскрывают нам лишь одну из сторон художественного мышления людей начала столетия. Они свелись к изложению известных классических трактатов, сокращенных и упрощенных, с небольшими добавлениями, рассчитанными на русскую практику. Понять же лучше, почему привлекал внимание тот, а не иной трактат или его интерпретации, помогают подчас материалы, с искусством связанные или косвенно, или вовсе от него далекие. К тому же однозначное, лишь утилитарное отношение

к теории почти исключало интерес к более общим проблемам. Впрочем, на это не хватало пока ни специальных знаний, ни практического опыта. А потому вскользь брошенная фраза, отдельные замечания на страницах дневников оказываются подчас более важными. Путевые впечатления и практические советы, переводная литература по самым различным вопросам и подбор книг для библиотек, рукописи, строительные указы и система обучения позволяют хотя бы отчасти воссоздать эстетические вкусы и воззрения современников петровских преобразований, помогают понять пути формирования новой русской архитектуры XVIII в.

Первый этап на этом пути — рубеж столетий: время важных реформ, рождения флота и новой армии, светской школы и первых книг гражданской печати, годы военных поражений и побед, строительства крепостей и основания Петербурга. То был период ученичества и пристального знакомства с Западной Европой, что и определило основные аспекты архитектурно-художественной мысли той поры, характер и тип изданий.

Когда в начале 1697 г. «стольники» Петра пересекли границу России, перед ними открылся новый мир. За Польшей последовали Германия, Голландия, Англия, Италия и на обратном пути — Австрия. Цели поездки — сугубо конкретные и деловые; «свободные искусства» к ним не относились: не они были для Петра «первой необходимостью». Так, стольников посылали «во Европе присмотреться новым воинским искусствам и поведением»², а в Венеции, в частности, изучать мореходное дело. Однако в действительности получилось несколько иначе.

Незнакомые страны и города с их чуждой русским архитектурой, убранство домов и костюмы, разного рода диковинки не могли не поразить «великое посольство». Присматривался к облику европейских городов и Петр. Правда, тогда не было куплено ни одного художественного произведения, в Россию поехали инженеры и кораблестроители, а не зодчие и живописцы. Но вряд ли интерес Петра был так уж абстрактен, вряд ли из простого любопытства велел он стольникам вести подробную запись увиденных достопримечательностей³. Не всех стольников увлекло к тому же мореплавание, военные и технические науки, некоторые затем стали дипломатами, да и в поездке они с большей охотой вели дневники, а князь Долгоруков даже перевел в Венеции трактат Палладио.

И то, каким спутники Петра увидели этот новый для них мир, насколько они его поняли и приняли, представляется весьма интересным. Опубликовано пока два дневника путешествия 1697—1699 годов — журналы П. А. Толстого⁴ и анонимного автора⁵.

Жанр этих журналов, форма изложения, манеры описания вполне традиционны. Оба автора следуют явно хорошо им известным «статейным спискам» русских послов и книгам о путешествиях в чужие страны, то есть литературе, для XVII в. равно популярной в Западной Европе и России.

По таким книгам европейцы узнавали о России — стране для них такой же далекой, таинственной и диковинной, как Индия или Китай. Экзотический Восток привлекал и русского читателя (переводились книги о путешествиях в земли дальнего Востока, Персию), по-прежнему популярны были описания паломничества в «святую землю»⁶. Но все большее место в книжных собраниях Москвы второй половины XVII в. занимала литература о Западной Европе⁷.

Диапазон ее к концу столетия был достаточно широк: книги по самым различным областям знаний раскрывали русскому читателю сложную многовековую культуру европейских стран. Понятно, речь шла о сравнительно узком круге читателей, но к нему-то принадлежали члены «великого посольства». Впрочем, Петра сопровождали в этом смысле разные люди. Вряд ли кто-нибудь мог сравниться с А. А. Матвеевым — русским послом в Голландии с 1699 г. Но все же, впервые увидев Европу, Петр и его стольники должны были знать о ней довольно много.

Более того, русская культура XVII столетия в каких-то своих аспектах глубже и тоньше восприняла западноевропейскую науку, чем культура петровского времени, особенно 1700-х годов. Восприятие это было подчас доста-

точно абстрактным, умозрительным, своего рода «наукой ради науки», но, быть может, еще и поэтому более глубоким, нежели в начале XVIII в., когда главными становятся не сложные труды, а учебные пособия, не первоисточники, а их краткие изложения, не гуманитарные, а технические науки, ибо основное тогда — конкретная приложимость знаний.

Для допетровской Москвы процент переводных практических трудов весьма невелик. Русское просвещение XVII в., усиление светского начала, стремление к познанию окружающего мира связаны прежде всего с интересом к гуманитарным и некоторым естественным наукам. Так, значительную роль стали играть книги по географии и истории, которые помимо всего прочего знакомили русского читателя с бытом и обычаями чужеземных народов, с обликом незнакомых городов⁸.

Как писал Симеон Полоцкий, «книги истории возлюби читати, от них бо мощно, что бе в мире, знати...»⁹

Был во всем этом оттенок того самого «кунштюка», сказочности, что и в привозных диковинках, новых украшениях палат и фасадов зданий, театральных зрелищах. Ведь иногда «кунштюками» и просто занимательными или детскими учебными картинками служили и различные гравюры, которые продавались «в розницу» наряду с игрушками в Овощном ряду¹⁰, ими даже оклеивались походные сундуки, верх телеги¹¹ и т. д.

Но главное, конечно, стремление к энциклопедичности познаний, серьезному изучению окружающего мира, что оказалось чуть ли неодинаково важно и тем, кто старался приобщить Россию к европейской культуре, и тем, кто от нее отгораживался. Подобной «познавательной» литературой стали для большинства книги по архитектуре: они раскрывали читателю мир других народов, и не воспринимались ли они тогда поэтому больше в связи с гуманитарными науками, нежели с техническими?

Описания Рима, Амстердама и «чертежи розных государств» (из библиотеки Федора Алексеевича¹²), сочинения Вергилия и Цицерона, книги, где «написаны лица разные», и «чертежные палатам и источникам каменным», труды о «разных городах» и «книги землемерно» (из Посольского приказа)¹³; «описание ворот чести в Гаге учиненных ко приезду Вилгелму Аглинскому, Скотскому, Францускому...»¹⁴ — все это психологически соединялось в одну группу: подобно «атласу или козмографии Херарда Меркатура» — это было подробное «всей вселенной описание»¹⁵. По России такой книгой стало «Описание градов Московского государства, поль и рек и всяких урочищ»¹⁶, составленное специально для царской библиотеки.

И, пожалуй, для XVII в. просветительская роль архитектурных изданий была едва ли не важнее их узкопрактической ценности, хотя, конечно, и этот факт также достаточно знаменателен. Не рассматривая подробно роль европейской архитектурной теории для практики XVII в., отметим лишь некоторые моменты. Опыт западноевропейского искусства, к которому все больше обращались русские мастера, не воспринимался в целом как нечто кардинально необходимое, призванное изменить пути развития русской архитектуры, — при отдельных новшествах русский зодчий сохранял прежнее мышление, традиционные образные представления. Да и использовались эти новшества весьма своеобразно.

Так, как известно, ордер древнерусских построек не имеет ничего общего с классической трактовкой, а ведь мастер XVII в. вполне мог познакомиться с основами его построения, владея классической терминологией. Но воспринималась эта система лишь как еще один новый декор, вплетенный в общий узор здания, не менявший в принципе его привычный тектонический ритм, его образный строй. Это была интересная новинка, отчасти «кунштюк», понять же его природу, внутренний смысл вряд ли считалось так уж необходимым.

Довольно широко бытовал даже термин «образец», хотя далеко не всегда он отвечал своему изначальному смыслу. Чаше всего это относилось к отдельным приемам. Кстати, судя по спискам библиотек, именно альбомы деталей — «фигурных образцов» (резьбы, лепнины ордеров и т. п.) — были весьма популярны в те годы¹⁷. К тому же они более наглядны и понятны, чем сложные чер-

тежи или иностранный текст, для чтения которых русскому зодчему не хватало тогда знания языков, а подчас и профессионального умения. «Для образца» выдавались русским мастерам издания по искусству, хранившиеся в Оружейной палате и в Приказе каменных дел. «Книга, в ней писаны образцы столббom в церкви или в палате или у мостов каменных и поясы около столбов и около церкви, где доведется делать» хранилась в Ново-Иерусалимском монастыре при постройке собора¹⁸. Но вряд ли там действительно считали практическим руководством книги: «как учить делать каменного дела церквей или палат» и «образцы всяким немецким городом, земляным и каменным...» Последняя могла цениться, в основном, за раздел «чертежикам учать чертить...»¹⁹

Исследователи попытались также выяснить круг архитектурных изданий, известных русским мастерам XVII столетия²⁰. Так, «великий и многоискусный» Витрувий упоминается в ратном Уставе 1621 г.²¹ Но все же собственно теоретические трактаты оставались как бы в тени. Дело не в том, сколько их было известно или где они хранились — в Аптекарском приказе, например, находились первое издание труда Скамоцци (две книги) и работа Виньолы о перспективе²². Практически они привлекают к себе внимание лишь в петровское время.

Насколько чужды и непонятны были большинству подобные сочинения свидетельствует, например, надпись на оборотной стороне переплета сочинения Самюэля Маролуа о математике, перспективе, архитектуре и фортификации: «По скаске дохтуров, в аптеку годна»²³. Это, конечно, крайность. Но в целом очевидна своего рода психологическая отстраненность древнерусского мастера и соответственно его отношение к этим знаниям, мера необходимости в них. И это, пожалуй, для нас главное.

Для эволюции архитектурных взглядов едва ли не более важными оказываются другие тенденции. В иных кругах, в среде просвещенных любителей, занимавшихся иногда и переводами, в стенах Посольского приказа складывалось постепенно более широкое представление о ценности архитектурного наследия Запада, утверждался интерес к архитектурным сочинениям как к таковым. В частности, для Ордына-Нащокина, Матвеева, Голицына подобные книги играли не последнюю роль в их попытках переустроить быт, уклад жизни на европейский лад²⁴. Характерен в этом смысле жанр архитектурной литературы: прежде всего «чертежей полатных» и «огородного строения» (садовые), в основном на немецком и латинском языках, но попадаются французские и итальянские издания. Есть также книги «городскому строению» (или «городостроительные») — вероятно, по фортификации, строительству крепостей, но их пока мало.

К сожалению, по спискам конца столетия трудно уточнить названия книг (например, «книга полатного строения, в лицах, подписана италианским языком» и т. п.). Но, очевидно, и здесь — это увражи; не труды со сложным и большим текстом, как по географии или истории, а издания преимущественно с эффектными иллюстрациями. Пока не научились читать сложные архитектурные труды, между тем как многие науки уже имели давнюю историю. Природа архитектуры, ее материальная основа психологически могла мешать абстрактно-схоластическим построениям, столь типичным для русской философии XVII в., в то время, как «пиитика» или грамматика были для «умственной логики» благодатной почвой. Вряд ли, конечно, к самой архитектуре относились как к чему-то производному, второстепенному. Но она еще не связывается с термином «свободные искусства» — понятием тогда известным, хотя для литературы XVII в. достаточно общим. Существовал, вероятно, разрыв между восприятием литературы по архитектуре как части гуманитарных наук и самого зодчества как области достаточно материальной. Преодолеть этот барьер, изменить архитектурные взгляды и критерии оказалось возможным лишь в последующие десятилетия.

Пока же современными зданиями для жителей Москвы — Петра и его спутников — оставались Кремлевские терема и Сухарева башня, Крутицкое подворье и царские чертоги в Троице-Сергиевом монастыре, словом, искусство «нарышкинского барокко». А потому зрительный контраст с европейскими городами стал для путешественников резким и неожиданным: удивление, не-

обычность впечатлений чуть ли не на каждой странице дневников 1697—1699 гг. При всех познаниях их авторов отстраненность от европейского образа жизни делала очень сложным восприятие, вернее «принятие» западной культуры. Чуждость иноземной жизни все еще очевидна для «журналов» конца столетия, хотя многое уже нравилось, а кое-что хотелось применить дома.

Характерны и художественные критерии Толстого и неизвестного путешественника: обоим нравятся произведения позднего Ренессанса и барокко — именно они ближе и понятнее русским, выросшим среди архитектуры декоративной, яркой, пластичной. Их внимание привлекли здания со сложным декором, украшенные скульптурой, отделанные мрамором, то есть великолепие, красочность, богатство, «преузорность». Именно эти качества определяли для них красоту архитектуры; палаццо, построенное «просто» для Толстого строено «не по архитектуре»²⁵. Из русской литературы, разговорного языка XVII в. берутся и превосходные эпитеты.

Вспомним по аналогии записки иностранцев, посетивших Москву XVII в. Та же отстраненность от русских обычаев, то же удивление неожиданности впечатлений и то же восхищение декоративностью, красочностью, нарядностью в архитектуре. «Мы дивились, — вспоминал, например, Павел Алеппский, — на их (боярских палат. — Н. Е.) красоту, украшения, прочность, архитектуру, изящество, множество окон и колонн с резьбой..., на обильную раскраску разноцветными красками снаружи и внутри»²⁶. Вряд ли случайно сходство подобных критериев — художественные вкусы человека, воспитанного на произведениях барокко, сказываются здесь достаточно отчетливо. В остальном же следует почти протокольный текст, где главное — достоверность.

Сходная картина — в дневниках стольников Петра. И здесь эпитеты «дивный», «предивный», «зело изрядно» сменяют бесстрастный текст при описании ратуши Аугсбурга («изрядные письма, резьба предивная, вызолочена вся» — а потому лучше амстердамской)²⁷, собора св. Марка, капеллы Медичи, церкви Иисуса работы Виньола, интерьера флорентинского собора, уличных празднеств в Болонье и Венеции и особенно дворцов, загородных вилл с их парками («огородами»), фонтанами, беседками («чердаками») в Варшаве, Берлине, Генуе, Риме (Ватикан, кардинальский дворец) и его окрестностях (Фраскатти) и т. д.

Античность, «древности» их интересуют мало. Но книга о старом Риме («Книга описания града Рима») была известна в России²⁸: церковь «всех болванов... (Pantheon) зело велика, круглая», «(двор) видел Нерона царя и мучителя» — вот и все записи в журнале²⁹. Для стольников это такое же «язычество», что и для Н. Спафария — переводчика рукописной книги «Мудрость или описание семи свободных художеств» (1673 г.). Он именовал Зевса «идол первый», а Толстой «поганских богов образы» — «предивной работой»³⁰.

Постепенно традиционная манера изложения меняется. Не без влияния архитектурных сочинений оба автора описывают различные сооружения города, невольно выделяя отличные от русского зодчества приемы.

«Тот короля Польскаго двор невелик, — пишет Толстой, — палаты... построены с четырех сторон, вместо ограды... те палаты в высоту в четыре жилья; крылец... выставных нет (что необычно для России. — Н. Е.), поделаны лестницы между палат..., четверо ворот проезжих поделано под палатами... В Варшаве дома и всякое строение в замке все каменное, палат изрядных и высоких в четыре жилья в высоту много (а в России нет. — Н. Е.), палаты все строены стенами по улицам..., воеводы Плоцкаго... палаты великия и зело изрядною пропорциею построены на середине двора, так же и у всех сенаторских домов палатное строение строено на середине дворов, а не по улицам; а по улицам в Варшаве стоят дома и палаты мещанские...» (прием также новый для допетровской Руси. — Н. Е.)³¹. Но одновременно напрашивается сравнение со своим московским: «В той каплице (костел в Ченстохове. — Н. Е.) изнутри все стены мраморныя или аспидныя, деланы великими столпами как бывают, — вспоминает, вероятно, Толстой о декоративных иконостасах русских церквей конца столетия, — деревянные столбы столлярной доброй работы с капителями...»³²

«Амстердамская ратуша, — сообщает автор второго журнала, явно беря данные из опубликованного описания этого здания³³, — в длину 50 ступеней, в ши-

рину 45», а аугсбургская и (мерюю) палата лутчая, 25 ступеней, ширина 14 ступеней. В сенях подпоры столбы мраморные, вышина две сажени (одного камня)... «Великий дом и сад, — пишет он об усадьбе во Фраскатти, — (с приезда к палатам крыльца на обе стороны шириною сажень на пяти. На крыльцах по 12-ти фонтапов. Посреди тех сеней фонтаны великие. Другой ход к палатам его и перила стоят... органы (водяные. — Н. Е.) играют очень приятно, никогда не вышел бы...»³⁴) и т. д.

Конечно, многое было непонятно человеку, впервые попавшему в Европу, а потому многое их поражало³⁵. «Персоны цецарския и многих славных владетелей и мучителей из мраморов», «разного рода птицы» и звери одинаково интересны русскому путешественнику в собрании Боргезе, он уточняет число палат Ватикана (11 225) и других дворцов и тут же удивляется лошади, «которая имела гриву 11 сажень», добавляя — «мерял сам»³⁶.

Подобные уточнения, стремление увидеть многое, самому измерить, попробовать, понять — это уже черты, свойственные мировосприятию людей нового, петровского времени. Любознательность, пристальное внимание к самым различным вещам (в том числе к самой различной архитектуре) отличают оба дневника. И в этой любознательности нам также особенно интересно и ценно внимание и Толстого, и автора второго журнала к музеям и библиотекам³⁷.

Так, русский человек XVII столетия сталкивается с новым миром, возникают зачатки иного мышления. Однако Толстого — в будущем переводчика «Метаморфоз» Овидия и Куракина (возможного автора второго дневника?) — посла во Францию, отбравшего в 1700-е годы книги для царской библиотеки и нанимавшего архитекторов для «санктпетербургских строений», еще очень далеко.

Важным оказывается и другой момент: интерес к иноземному миру приобретает все более четкий практический смысл. Особенно очевидно это на примере перевода трактата Палладио, осуществленного тогда же в Венеции. Его автор — стольник Долгоруков сделал следующий шаг к новому восприятию европейского искусства — для него этот труд практически приложим к русской архитектуре. И если можно лишь предполагать о предварительном знакомстве авторов дневников с основами архитектурной науки, в отношении Долгорукова сомнения вряд ли справедливы: столь профессионально изложить материал не мог человек, впервые или лишь недавно взявший в руки подобное издание³⁸.

Так начинается новый этап — переход к практическому освоению опыта западноевропейского искусства, переход, который в других областях ощущался уже достаточно отчетливо³⁹ и который мог свершиться лишь благодаря петровским преобразованиям. Изменение мировоззрения русских зодчих, новый период в истории русской архитектуры связаны прежде всего с этим процессом.

Правда, было бы преувеличением говорить о формировании русской архитектурной теории и в первые десятилетия XVIII в., даже весьма условно — о ее зарождении. Но вместе с тем это принципиально новый, отличный от предыдущего этап, его основной пафос — творческое переосмысление, практическое использование наследия европейского искусства во имя новой русской культуры.

Новые потребности четко определили круг проблем, привлекли внимание к наукам лишь сугубо практическим, необходимым для осуществления первых грандиозных замыслов Петра: кораблестроения, артиллерии, фортификации и вообще военного искусства, механики, математики, архитектуры.

Этим целям была подчинена и издательская деятельность. Уже в 1700 г. Яну Тессингу разрешалось печатать в Амстердаме «земные и морские картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математические, и архитектурские, и городостроительные и всякия ратные и художественные книги на Славянском и на Латинском языке вместе, тако и Славянским и Голанским языком по особну...»⁴⁰

То есть с самого начала архитектурным сочинениям придавалось большое значение, а теория архитектуры в отличие от XVII столетия связывалась с инженерно-техническими проблемами, с точными науками, что отвечало содержанию данного периода в истории России. Но не сказались ли в этом и некие

более общие закономерности развития теории и практики европейской архитектуры?

В самом деле, к началу XVIII в. сферы архитектуры и связанных с нею дисциплин не были поделены достаточно четко. Так, строительство разного рода фортификационных укреплений, что когда-то объяснялось характером города (крепость), проектирование кораблей, рисунки для орудий и т. д., до сих пор подчас исполняли зодчие.

Известную роль сыграла также относительная нерасчлененность наук или преимущественное внимание к дисциплинам, имевшим для архитектуры важное, но не исчерпывающее значение. Пример тому — примат математики, механики и вообще точных наук в XVII столетии на Западе, когда философские идеи рационализма стали играть важную роль.

Так, вслед за Декартом, считавшим математику идеалом и образцом для всех наук, известный мастер барокко Гварини утверждал зависимость архитектуры от математики, а строгий классицист Франсуа Блондель старался объяснить красоту архитектуры неким единым числом, определенными математически найденными пропорциями⁴¹. К этому можно прибавить целый ряд не столь значительных, второстепенных работ, опубликованных в Германии и Голландии, где подобные вопросы рассмотрены больше в практическом, нежели в чисто теоретическом, философском плане.

И одновременно обратный процесс: архитектура включается в труды по математике, фортификации⁴²; ученые, математики, военные — авторы архитектурных трудов.

Комплексное восприятие архитектуры с названными науками отчетливо проявилось и в первых русских изданиях гражданской печати.

Таковы прежде всего книги (с иллюстрациями) по фортификации, строительству крепостей, речных укреплений — переводы последних и, пожалуй, лучших, наиболее известных сочинений рубежа столетий, подчас противоположных в своих выводах, но равно основанных на большом современном опыте: работы Э. Ф. Боргсдорфа⁴³, Буйе⁴⁴, Г. Римплера⁴⁵, М. Кугорна⁴⁶, Ф. Блонделя⁴⁷ и Л. Штурма, издавшего своего рода конспект, реферат «из семидесят и более разных манер (и книг), которые от лучших нынешних Инженеров выбраны, от части же самим автором изданы»⁴⁸. И, наконец, в 1713 г. появились два разных издания под одним заглавием: «Книга марсова или воинских дел...» Первое — уже непереводное сочинение с гравированными планами и видами городов (Ревель, Нарва, Полтава, Выборг, Юрьев и др.)⁴⁹, второе — перевод с французского — с ценными советами «о строении замков» и «строении крепости безправильныя»⁵⁰.

Эти и многочисленные иностранные сочинения на ту же тему⁵¹ сыграли немаловажную роль в развитии идей регулярного градостроительства, именно они были первыми для России «городостроительными» книгами. Любопытно, что и в 1700-е годы, и впоследствии — в дневниках, книгах по географии и истории — сохранилась традиция описания крепостей, планов городов, явно заимствованная из подобных изданий. Впрочем ценились последние прежде всего как пособие в воинском искусстве, интерес к собственно архитектуре шел как бы по касательной.

Из этого, однако, не следует, будто существовала некая строгая последовательность: вначале архитектура «милитарис», затем «цивилис» — в теории⁵² и весьма спорно — в практике. Но последней все же «не повезло»: был издан только один перевод, остальные переводы известны в рукописях. Однако для нас особенно важно, что эта работа велась, отбирались книги, делались таблицы, накапливался опыт. Важно и другое — архитектурная книга оказывается в числе первых изданий петровского времени, первых книг гражданской печати. В 1709 г. вышел в свет перевод трактата Виньолы, одновременно подготавливались другие издания.

При всем различии русских книг 1700-х годов их объединяет общность задач, представлений о теории и ее связи с практикой, о самом типе изданий.

Не сложные философские труды, а их доступный пересказ, не чисто теоретические работы, а практические по ним советы оказались в центре внимания. Та

или иная проблема не рассматривается досконально, а берется ее суть — ведь главное было понять основы необходимых специальностей и немедленно применить их на практике. А потому такое значение приобрели переводы практических руководств XVII в. — своеобразных рефератов и сборников, где изложены основные положения нескольких книг⁵³, именно они как нельзя лучше отвечали периоду ученичества, знакомству с основами европейской науки и техники, первому этапу становления новой русской культуры.

И в отборе архитектурных книг главный критерий — их максимальная конкретность, лаконизм и простота в изложении основ архитектурной науки, ордерной системы, строительной техники. «Прикладное» одностороннее понимание теории проявилось в этих работах в полной мере⁵⁴. И здесь объектом переводов стали не первоисточники, сложные теоретические труды, а их последующая обработка, упрощенное изложение, доступный пересказ — словом, компилятивные издания.

«... Исполнил я пять ордеров архитектуры винченца шамоцция ныне всих землях зело употребляемого однакож трудного кразумению, немного изыстнее издати... Сего ради я труд восприял вас научить несколько строками в таблицах... вы можете обнадежены быть что вы вкраткое время пять ордеров и все еже притом автор поставил возможете уразуметь...» — писал Симон Боосбом⁵⁵. Впрочем, понять самого Скамоцци было не так уж трудно. Не случайно поэтому его трактат и «Правило пяти ордеров архитектуры» Виньолы стали в XVII в. едва ли не самыми распространенными пособиями. Относительный догматизм, рецептурность этих работ определили их выбор для первых русских книг по архитектуре.

Характерно и другое: при всей, быть может, случайности отбора изданий, с которых делался перевод, круг самих проблем был сразу же достаточно четко обоснован. Главная цель — научить строить по-новому, овладеть профессиональным мастерством европейского зодчего. Первые книги должны сообщить русскому читателю, строителям новой столицы на Неве только необходимое: теорию ордеров, основы европейской строительной техники, устройство фундаментов, конструкций кровель, стен и т. п. Насколько это удалось, подтверждает судьба переводов Виньолы.

Изданный в 1709, а затем в 1712 годах под названием «Правило о пяти чинех архитектуры»⁵⁶ трактат Виньолы вплоть до конца столетия оставался настольной книгой не только архитектурных учеников, но и давно практикующих зодчих⁵⁷, был принадлежностью многих библиотек, чьи владельцы к архитектуре не имели никакого отношения⁵⁸.

Отмечая ценность этого издания, исследователи особо выделяют, по их мнению, русские, весьма существенные дополнения к трактату: введение, глава «Фундамент как строить» и «О стенах». Называются чертежи — произведения Микеланджело и Бернини, типы лестницы, заимствованные из трактата Палладио⁵⁹. Однако, как ни заманчиво для истории русской архитектурной мысли, первое предположение приходится признать, что здесь могут быть неточности.

Объяснение этому довольно простое: за источник берется первое итальянское издание Виньолы (1562)⁶⁰, где эти дополнения отсутствуют, а имеется посвящение Фарнезе и обращение к читателю⁶¹. По сравнению с ним текст русского издания действительно увеличен вдвое, а число иллюстраций — с 32 до 101, то есть по сути дела это новое сочинение, где Виньоле принадлежит лишь теория ордеров.

Трудно, однако, предположить, что тогдашний уровень знаний европейской архитектуры позволил русским создать новый теоретический труд, так свободно и точно подобрать новые иллюстрации (знать, в частности, о связи работ Виньолы, Микеланджело и Бернини). И действительно, первые же сравнения с многочисленными переизданиями Виньолы XVII в. убеждают в обратном⁶². Ведь уже в 1602 г. (Рим) появилось 10 дополнительных таблиц (произведения Виньолы и Микеланджело), а многочисленные голландские и французские издания были задуманы как практические руководства на основе трактата Виньолы (А. Ш. Давилье, например, даже написал специальный курс архитектуры, прибавив к нему обширный архитектурный словарь).

Подобные руководства и могли послужить источником для русской «архитектурной книжки» 1709 г. Достаточно сопоставить ее с изданиями, которые печатались в Амстердаме (на различных языках), Генте, Лейдене, Париже, Аугсбурге, Нюрнберге⁶³, чтобы понять, сколь разнообразны были добавления к трактату Виньолы, особенно в иллюстрациях, которые и перегравировывал П. Пикарт для русского перевода⁶⁴.

Конечно, «Правило о пяти чинех» не зеркальная копия иностранных руководств XVII в. Но вряд ли следует преувеличивать оригинальность издания, хотя вместе с тем расчет книги именно на русского читателя, русских мастеров здесь очевиден.

Характерно в этом плане понимание верности перевода. Как известно, Петр I вообще требовал точности перевода в отношении содержания⁶⁵, настаивая при этом на изложении мыслей автора своими словами (иначе бессмыслица). В книгах 1700-х годов ценность первоисточника как такового отходила на второй план, главным было правильно передать смысл, выявить нужное. Именно к этому стремились издатели русского Виньолы.

Оставив без внимания первый и второй листы трактата, они сохранили третий («читателям»), превратив его во введение. С разделами же «Фундамент как строить» и «О стенах» обстоит сложнее. У Виньолы таких глав нет, но в первой книге Палладио вместе с другими строительными главами они предваряют текст об ордерах.

В русском издании появляется своего рода конспект двух палладианских глав того же названия, где добавлен необходимый материал из других, соседних (о песке, почве, немного о лестницах и т. д.). Непонятное же или практически ненужное (ссылки на Витрувия, примеры, подробности) опущено.

Так в принципе строился и упомянутый выше перевод Долгорукова 1699 года. Трактат Палладио изложен им с большей подробностью, но и здесь само название⁶⁶ указывает на сокращенность изложения, компиляцию. Уже первые слова «архитектура цивилная», то есть гражданская, повторяют заголовки многих практических руководств XVII столетия.

Действительно, отнесенный в конец книги строительный раздел сокращен по сравнению с трактатом Палладио, и здесь исключены примеры, упрощен текст, соединены главы. Столь же настойчиво подчеркнуты советы, правила.

Характерно, однако, что в переводе Долгорукова, как и в «журналах» его спутников — стольников Петра, ощутимо влияние культуры XVII в. Вернее, Долгорукова можно причислить к тем просвещенным любителям допетровской Руси, которые так много сделали в утверждении связей с Западом. Быть может, он был близок к Посольскому приказу, куда попал в итоге его перевод⁶⁷. Он не был переводчиком-профессионалом, как М. Шафиров или Б. Волков. То был труд просвещенного, образованного человека, и этим он сходен с переводами приближенных царя: «синклитика» Андрея Матвеева, стольника Богданова, князя Кропоткина⁶⁸. Не случайно чувство литературного языка, стиль изложения трактата Палладио гораздо лучше, нежели «Правил о пяти чинех». Для переводчика Виньолы художественная отделка текста уже не столь важна.

Конечно, подчеркнуто практическая направленность перевода Долгорукова — черта петровского времени. Но пока даже самый формат рукописи как бы напоминает о библиотеках конца столетия: она сделана по образцу известных тогда увражей, рассчитанных на спокойное изучение, книг, которые нельзя повсюду носить с собой, которые лежали на специальных подставках и т. д. Небольшие компактные книжки 1700-х годов, внешне напоминавшие голландские издания, предназначались для повседневного пользования.

Оба переводчика широко вводят иностранную терминологию, и оба стараются перевести ее на русский язык. В этом они едины, и этим они целиком связаны с литературой петровского времени. Пояснения явно русского происхождения, взятые в скобки, широко практиковались в книгах тех лет. Например: «демофель (или инструмент болшин)...» (книга Буйе); «пушка... стоящая, толко параллельно (то есть равно отстоятельно)... назначивает фронту (то есть чело пролома)...» («Побеждающая крепость»); «коломна романа (римская)...» (из

перевода Скамоцци); «выше симетри (прямого розмеру)... поставиш надверху двух ранг отфевилажи всякой (цветы или куши малеванные около герба или около чего)...» («Гражданская архитектура» Лаутербаха); «... посвидетелству высокоученого язычника сократеса (которому более чести и похвалы достоин яко строителной хитрости)... винкелгаак (уголный крюк)... волведак (хорная кровля)... без пиляров (столбов)... показывает висящий потолок (образом яко трава трилистник, или кленник)...» (из перевода о сводах) и т. д.

В скобки, впрочем, брались и другие сведения. «Ежелиж твердой песок помешан скаменьем, (как вреке надне)...» — уточняет переводчик Виньолы, у которого есть любопытная ремарка, как бы напоминающая о новом характере русской архитектуры: «пилар (новой моды)».

Понятно, в своих определениях, выборе слов, объяснениях Долгоруков ближе к лексике допетровской Руси⁶⁹. Но и в тексте Виньолы новые слова соседствуют с привычными: «хоромина», «палаты», «погреб». Их сохраняют и авторы других переводов.

Изменились по сравнению с 1699 г. и источники переводов. Долгоруков располагал латинским или итальянским текстом. Большинство же переводов 1700-х годов делались с книг, изданных и купленных в Амстердаме⁷⁰; архитектура не могла быть исключением.

Обращение к голландским изданиям отвечало и логике исторического процесса: именно Голландия на первом этапе петровских преобразований играла особенно важную роль. В Голландию ездили учиться, из Голландии приглашали инженеров, ученых, архитекторов, амстердамские издания преобладали в собраниях Петра и Брюса, уважи, исторические и другие сочинения о Голландии были весьма популярны⁷¹. Голландский язык, голландская терминология преобладали.

С голландского начал и переводчик Виньолы («пилар», «фронтшпиц», «высота даков или кровель»), но в разделе об ордерах появилась итальянская транскрипция, подписи же к гравюрам делались с французского⁷². Подобная компилятивность объясняется, возможно, первоначальной судьбой книги.

Среди бумаг Кабинета Петра хранится рукопись: «Книжка в коей написаны разные математические и фейерочные задачи»⁷³. Здесь есть и как «кастролябией» пользоваться, и «как фунты разделять», дается состав ракет — «огненных звезд» и т. д. Среди прочих задач — «Фундамент как строить», «О стенах», «О модулах»⁷⁴. Последние три — текст «Правил о пяти чинех архитектуры».

Рукопись не датирована, и ее можно было бы считать обычным сборником XVIII в., куда подчас произвольно включались опубликованные тексты, взятые из разных книг. Но вряд ли это так. Сравнивая рукопись с русским изданием Виньолы из библиотеки московской Синодальной типографии⁷⁵, мы замечаем, что текст книги 1709 года в своей орфографии воспроизводит рукопись Кабинета. Ошибки же рукописи, некоторые неувязки и т. п. исправлены в книге красными чернилами. То есть типографский экземпляр мог быть одним из печатных вариантов книги, предварявших тираж⁷⁶.

Но еще существеннее другое. В печатном тексте о фундаменте расстояния между несколькими абзацами увеличены⁷⁷. В двух случаях это предваряется фразой: «как видеть мочно». Рукопись Кабинета, заполняя пустоты, показывает, что же именно «видеть мочно». Появляются три чертежа, простые и схематичные, — различное устройство фундамента⁷⁸. Взяты они не из Палладио, а, вероятно, из неизвестного нам руководства. Руководство это было голландское, что подтверждают слова в других разделах «Книжки» («галанские швертнерта», «немецком языком списглас»), а, судя по стилю рукописи, ее переводил один человек. Итальянская же терминология раздела «О модулах» («ордона», «базаменто», «чимаза», «пиластра», «педестала») могла попасть в голландскую книгу из итальянского издания Виньолы.

Вероятно, вскоре книгу математических задач решено было разделить по специальностям. Так появилось руководство по архитектуре, к которому добавили чертежи на отдельных листах, но рисунки из текста исчезли⁷⁹.

Несколько изданий 1709 и 1712 гг. воспринимались именно как практические руководства вообще, а не сочинение Виньолы, отличное от других класси-

ческих трактатов, можно судить уже по их общепринятому в XVIII в. названию: «архитектурная книжка», «архитектура»⁸⁰. Определения же в реестрах книг Петра («Архитектурная книга, как фундамент строить, повелением царского величества грыдырована и напечатана сия книга в Москве... 1709 году») напоминают заголовок раздела «Книжки математических задач». Наконец, проект подобной «Книжки» подтверждает и ту тесную связь архитектурной и технической литературы на рубеже веков, о которой говорилось выше⁸¹.

1700-ми годами датируется еще три архитектурных перевода, однако опубликованы они не были. Жанр их в общем тот же — практические руководства, место издания оригиналов — Амстердам. Мы не можем сказать, на какой стадии оборвалась работа, закончены или нет переводы, отсутствуют чертежи.

От перевода трактата Скамоцци сохранилось всего несколько листов⁸². Датированная 1708 г. рукопись этого популярного в XVII в. теоретика также возможно предназначалась для первых необходимых изданий петровского времени⁸³. Ведь, как сказано в заголовке, книга будет «зело удобно младым ученикам»; «все простые разумы сие могут разумети»⁸⁴. Речь шла о теории ордеров.

Трудно сказать, чем привлекли внимание две другие книги. Вероятно, не только своим содержанием. На веру могли быть приняты утверждения авторов о непревзойденности и новизне их трудов. Конечно, это была ошибка, но сама идея достаточно красноречива: научить русского читателя европейской архитектурной теории на основе новых, лучших и одновременно доступных книг.

«Я... зделал одно дело очем никогда недумали икоторое сколко я ведаю никогда насвет непроизошло», — заявил автор «Гражданской архитектуры» Ж. Б. Лаутербах⁸⁵. Дело это, впрочем, довольно типично для изданий XVII в.: сравнивая построение пяти ордеров «славнейшими» архитекторами — Витрувием, Палладо, Виньолюй и Скамоцци, который превозносится превыше всех, он предложил свое решение, по сути дела — компилятивное. Но для русских зодчих эта сторона была пока непонятна и не важна. Сравнительная простота построения, конкретность советов, «привязка» текста к таблицам и чертежам («талиадусам»), к сожалению, утраченным, примеры из архитектуры древнего Рима, новые имена⁸⁶ сделали бы рукопись Лаутербаха полезным пособием.

Другая рукопись как бы дополняет разделы о фундаментах и стенах в издании Виньолю. Это сочинение о домостроении⁸⁷. Опять-таки особо отмечая ее чуть ли не главную роль⁸⁸, Юстус Даккерт — известный в Амстердаме издатель — заявляет: «... еще невидано в нашем галанском языке никаких книг окапах, или кровлях, и сего ради я помоей вяшшей силе изрозных, как немецких так италианских авторов велел Градировати розные изрядные каппы, или кровли, так как церквей, башен илутчих домов, ипритом прибавил некоторые лежащая каппы, також и подлинный чертеж огукепессах...»⁸⁹

То есть и это типичное практическое руководство с предполагаемыми чертежами и объяснениями к ним. В данном случае речь идет о конструкциях и форме кровель жилых домов, церквей и других зданий в северных и южных странах, показано, как их укреплять, какие бывают покрытия и т. д.⁹⁰ Рассматриваются также и различные типы лестниц, подъемные мосты замков⁹¹.

Весьма возможно, что этим не ограничивается круг переводимой литературы по архитектуре и строительной технике, ведь и о последующем десятилетии, когда интерес к искусству заметно возрос, мы знаем далеко не все. От «Практики садовничества», например, в переводе Б. Волкова остались две последние главы⁹², быть может, не закончился на первой части перевод Витрувия⁹³. В свое время из Кабинета Петра была отдана «архитектуру Матерноу (Г. И. Маттарнови. — Н. Е.) книжка содовая 13 ноября» «для переводу», а тому же Шафирову «книга овсяких домах исадах...»⁹⁴ Ю. Кологирову поручено перевести «теорию огородному строению»⁹⁵, а, по сведениям А. К. Нартова, Петр «изволил читать и после указал напечатать «несколько переводов: среди них — «Леклерка Архитектурное искусство»»⁹⁶.

Но все это в будущем, пока же для печати готовили самое необходимое. Творческое освоение опыта западноевропейской культуры означало на данном этапе отбор нужных знаний; особо отмечались приемы, отвечавшие климатиче-

ским, географическим особенностям России, а некоторые изменялись соответственно сложившимся традициям (например, текст о сеньях в рукописи Долгорукова)⁹⁷, учитывался имевшийся в обиходе материал.

Это умение выделить основные, необходимые проблемы, взаимосвязь с другими русскими изданиями тех лет, пусть отличными по содержанию, но сходными по типу, стиль и язык переводов делают рассмотренные переводы органической частью художественной культуры петровского времени. Без этих работ трудно понять дальнейшее развитие архитектурной мысли в России. И хотя в них не затрагиваются общие теоретические проблемы, их содержание предельно конкретно, они не только учили новым формам и приемам. Скромные переводы 1700-х годов не могли не влиять на художественное мышление зодчих, они раскрывали новые законы тектоники, а также внесли свой вклад в изменение привычных образцов, сложившихся законов красоты.

Ориентация на северные страны, голландские издания в них очевидна. Но из Голландии — центра книжной торговли — в те же 1700-е годы присылали и другие книги, представления о западноевропейской культуре постепенно расширялись. Все очевиднее становилась ценность художественного наследия других стран. Этому и в 1700-е годы в большей мере способствовали не профессионалы-архитекторы и художники, а дипломаты, переводчики, военные, царские агенты, — словом те, кто много ездил и много видел. «... Для того нынешних времен обычаи имеют, каждый желает свету видеть», — писал в 1705 году дипломат и путешественник Б. И. Куракин⁹⁸.

И, пожалуй, в этой среде пробуждается раньше всего интерес к искусству Италии и Франции. Куракин, например, уже тогда почти все мерил на итальянский образец: «не гораздо снаружи хорош» Дворец около Карлсбада, но «гораздо хорошо» убранство его «палат», где «самое богатство» достигнуто «письмами итальянскими»; «а в проезде от Амстрадама до Утрехта гораздо plezier хорошей: много изрядных домов с манеру итальянска...»; в Бреславле манеж сделан «вельми хорошо, все штукатурно и письмами итальянской моды...»; в Брюсселе же «видел палацо discoff брабанских — посредство. При том сады маленькие и фонтаны, только не подобные итальянским»⁹⁹. И, наконец, «дивным», «предивным» итальянским дворцам, паркам и фонтанам ничто «подобно не можно быть на свете»¹⁰⁰.

Вкусы Куракина сказались и в подборе книг для царской библиотеки. С самого начала Петр требовал книг «новых и лучших... всех авторов»¹⁰¹. И Куракин в ответ на это отправляет в Петербург из Амстердама еще в 1708 г. почти сплошь итальянские издания, в том числе великолепные альбомы по «старому и новому» Риму, учебные чертежи и рисунки («Пирамиды и колонки») ¹⁰². Но пока не они стали для Петра «лучшими книгами».

В переписке 1700-х годов удивление перед новым вновь увиденным, свойственное журналам конца столетия, неожиданность впечатлений дополняются постепенно трезвой и объективной оценкой, стремлением понять и оценить то новое, что вносит в жизнь русских людей общение с Западной Европой.

Пример тому — рукопись А. А. Матвеева 1705 г.¹⁰³ Владелец ценной библиотеки, знавший несколько языков, один из самых образованных людей петровского времени, он оставил первое на русском языке описание Франции.

Парижем, королевскими дворцами и садами, архитектурой города Матвеев восхищается не меньше, чем, например, царский посол П. И. Потемкин, который побывал здесь в 1668 г. И Потемкин писал об академиях, о дворце, который «строят весь вновь», восхищался садами, где фонтаны — «великие воды»... «взводные разными образцы», осматривал «полаты» и т. д.¹⁰⁴

Но несколько отличным предстал Париж в описании Матвеева. Личные наблюдения он дополнил сведениями, почерпнутыми из разных книг, что само по себе достаточно показательно. Замечания же самого Матвеева раскрывают его умение увидеть и понять новое. Ему не нравится уже «неправильное», то есть нерегулярное, строение, он замечает одновременность строительства Версаля, настойчиво ищет полезное и нужное. Для примера приведем начало описания «королевского двора, называемого Тюлери, или Лувр»: «Лицо того двора от городу явствуется в изрядной пропорции своею архитектурю, где есть

при том здании большая работа итальянская и рези из белых камней художеством учинены дивным и чрезвычайным»¹⁰⁵. Любопытно, что, подобно Куракину, слово «итальянское» обозначает для него качественную оценку. Наконец, с явным расчетом на будущие загородные резиденции Петра описывает Матвеев французские парки и сады.

Так постепенно все новые знания и впечатления расширяли представления о художественной культуре разных стран Западной Европы, они намечали пути освоения западноевропейского наследия.

Понятно, процесс этот был сложным. Одни русские и иностранные руководства, появление в России новых сооружений или поездки за границу не могли сразу изменить все: ведь не случайно старые русские опытные мастера фактически не участвовали в петровском строительстве. Но все очевиднее становилась серьезность происходивших событий, все больше людей вовлекается в круг петровских преобразований. Наряду с чисто практическими задачами зарождался интерес к общим проблемам искусства, философии, литературы. Правда, представления о художественной жизни Западной Европы оставались по-прежнему весьма приблизительными.

В отличие от математики, механики, военного и инженерного дела в искусстве и гуманитарных науках этот процесс изучения западноевропейского наследия оказался более длительным.

Примечания

¹ См. «Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца». [Сообщ. С. Л. Пташицкого]. — «Русская старина», 1879, кн. VI, стр. 267.

² Грамота дожу Венеции от 25 февраля 1697 г. — «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. 1. СПб., 1887, стр. 133.

³ В частности, в том же 1697 г. Петр предписывает Г. Г. Островскому подробно описать свою поездку из Голландии в Венецию (там же, стр. 199—201).

⁴ «Путешествие стольника П. А. Толстого. 1697—1699». — «Русский архив», 1888, № II—VIII.

⁵ «Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697—1699 гг., веденный состоявшим при великом посольстве русским, к владетелям разных стран Европы (Сообщ. с прим. И. Ф. Горбунова)». — «Русская старина», 1879, кн. V, стр. 101—132. Горбунов предположил, что автор журнала — Б. И. Куракин, будущий посол во Франции, а не Петр I, как считали другие исследователи, ибо Петр в Италии не был. Однако до сего времени автор журнала не установлен. Для Д. С. Лихачева, в частности, — это анонимное произведение (см. его статью в кн.: «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки». М. — Л., 1954, стр. 338).

⁶ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. — «Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. LXXIV, № 1. СПб., 1903, стр. 47.

⁷ Царская библиотека — Алексея Михайловича и его детей (Алексея, Федора), частные собрания — А. Л. Ордына-Нащокина, А. С. Матвеева, В. В. Голицына и др., книги Оружейной палаты и приказов —

Посольского, Каменных дел, Аптекарского, Печатного, — Мастерской палаты, а также двух духовных академий (киевской и московской), чьи сложные, разносторонние, уже во многом светские программы ставили существенно дополнить собрания Братского и Заиконоспасского монастырей. См.: С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке. Л., 1970.

⁸ К началу XVIII столетия были переведены на русский язык наиболее известные и лучшие труды ученых конца XVI—XVII вв. Среди них по географии — «Обозрение всего света...» Дж. Ботеро, работы А. Ортелиуса, Г. Меркатора, Л. де Линнь, 4-томный с массой иллюстраций атлас В. Блеу («позорище вся вселенная»); по истории (прежде всего польские издания) — труды М. Стрыйковского, П. Пясецкого о европейских государствах, работы о Турции, Чехии, истории Абиссинии, иудейской войны Иосифа Флавия, книга Й. Слейдана (А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 46—47; М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, стр. 314 и сл.).

⁹ Симеон Полоцкий. [Заветы царя]. — «Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков». [Л.], 1935, стр. 105.

¹⁰ «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук», вып. I, XVIII век. М. — Л. 1956, стр. 36 (далее — «Исторический очерк... рукописного отдела БАН»). Среди картинок с дикими и домашними животными, «небесных богов» и жанровых сцен бытовали изображения крепостей, городов, деревень. «Город над рекою. Под городом люди. Пасут кони. Пасут коровы...» — гласит, например, подпись в одной из «потешных» книг (И. Забелин. Домаш-

- ний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915, стр. 174).
- ¹¹ Там же, стр. 617.
 - ¹² Там же, стр. 601, 605.
 - ¹³ Списки книг библиотеки Посольского приказа опубликованы в кн.: С. Белокурова. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, стр. 38—46. Подробнее см.: С. П. Луппов. Указ. соч., стр. 194—203.
 - ¹⁴ «Опись библиотеки гр. Андрея Артемона-вича Матвеева и графини Матвеевой». — «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихоновым», т. V [отд. 3]. М., 1863, стр. 72—73.
 - ¹⁵ Название из описи книг Посольского приказа (С. Белокурова. Указ. соч., стр. 38). Характерна в этом смысле следующая запись: при приказу Натальи Кирилловны царевичу Петру были отданы «все исторические книги с кунштами и всея России книги с рисунками градов и книги многих знатных во вселенной городов» (цит. по кн.: «Исторический очерк... рукописного отдела БАН», стр. 20).
 - ¹⁶ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., стр. 606.
 - ¹⁷ От А. С. Матвеева, например, в Посольский приказ поступило в 1677 г. около 17 книг «огородного, полатного и городского строений, резных, водовзводных и фигурных образцов» (С. Белокурова. Указ. соч., стр. 48).
 - ¹⁸ М. А. Ильин. Зодчество XVII века. — «История русского искусства», т. IV. М., 1959, стр. 60.
 - ¹⁹ Там же.
 - ²⁰ Е. В. Михайловский. Национальные особенности архитектурных форм московского зодчества конца XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1949.
 - ²¹ Ю. Гренберг. Древние документы о перелогах Витрувия в России. — «Архитектура СССР», 1956, № 5, стр. 59.
 - ²² «Исторический очерк... рукописного отдела БАН», стр. 431, 433; G. B. da Vigorola. Le due regole della prospettiva pratica... Con i commentarii del R. P. M. Egnatio Danti. Roma, 1644; V. Scamozzi. L'idea della architettura universale... in X libri. Parte prima et parte secunda. Venetiis, 1615.
 - ²³ Цит. по кн.: «Исторический обзор... рукописного отдела БАН», стр. 150. В Аптекарском приказе находились две книги S. Marolois — названная в тексте «Opera mathematica, ou Oeuvres mathematiques traitans de géometrie, perspective, architecture et fortification...» (Amstelodami, 1647) и «La perspective contenant tant la théorie que la pratique...» (Amsterdam, 1662).
 - ²⁴ Особенно любил архитектурные книги В. Гелицын. В 1684—1685 гг. он даже забрал из Посольского приказа книги, поступившие от Матвеева (см. прим. 17) и назад «не присылывал» (С. Белокурова. Указ. соч., стр. 49).
 - ²⁵ Цит. по кн.: «История европейского искусствознания. От античности до конца XVIII века». М., 1963, стр. 348 (раздел написан Т. М. Сытиной).
 - ²⁶ «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским», перев. с араб. Г. Муркоса, вып. III (Москва). — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских». М., 1898, кн. III, [раздел 3], стр. 33.
 - ²⁷ «Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии...», стр. 116.
 - ²⁸ «Urbis Romae topographia B. Marliani ad Franciscum regem Gallorum eiusdem urbis liberatorem invictum». Roma, 1544. Позднее эта книга, возможно из библиотеки Федора Алексеевича в числе других, была привезена из Москвы в Петербург для личной библиотеки Петра I («Исторический очерк... рукописного отдела БАН», стр. 149).
 - ²⁹ «Журнал путешествия...», стр. 125.
 - ³⁰ Цит. по кн.: А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 169; «Путешествие стольника П. А. Толстого...». — «Русский архив», № V, стр. 32.
 - ³¹ «Путешествие стольника П. А. Толстого...». — «Русский архив», № II, стр. 190, 192, 194.
 - ³² Там же, стр. 198.
 - ³³ Альбом был известен в России еще в XVII в. (см. список книг Посольского приказа), его любили и в петровское время. В частности «планы и лица ратуши амстердамской» названы в описи книг А. А. Матвеева, хранились в собраниях Петра, Я. Брюса.
 - ³⁴ «Журнал путешествия...», стр. 109, 116, 126—127.
 - ³⁵ Например, о башнях собора и дворца в Болонье: «тут же два столба... делали для славы, которой выше мастер сделает, — один кривой... видел палату (круглую) о двух потолках, другой вырезан (т. е. купол. — Н. Е.), верху обоколо, в обоколах голубь держит венок, кругом ангелы из обокола» («Журнал путешествия...», стр. 122).
 - ³⁶ «Журнал путешествия...», стр. 123, 124, 126.
 - ³⁷ Например, библиотека иезуитского монастыря в Инсбруке: «пять сажень вдоль, все столы (стены) сплошь наполнены книгами разными, шкапы без дверей, ярлыки висят (над всяким шкапом), подписаны какия в каком книги, по середине стол, три глобуса, инструменты лежат (все) изрядно (зело убрано)» (там же, стр. 117), а Толстой отмечает: в Ченстохове «в лавках... паче всего много книг Латинских и Польских всяких печатных» («Путешествие стольника П. А. Толстого...». — «Русский архив», № II, стр. 200).
 - ³⁸ «Архитектура цыvilная Выбрана ис Паладиуса славнаго Архитекта и изинных многих Архитектов славных от математика и Архитекта кашпора века писана в венеции лета 1699 году месяца сентября Учением и тщанием будучи тамо господина князя долгорукова, А порусскому календарю 7206 году». Подробный анализ перевода см.: А. А. Тиц. Неизвестный русский трактат по архитектуре. — «Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования». М., 1968, стр. 17—31. Рукопись хранится в ЦГАДА (ф. 181, оп. 1, д. 258/463). Тиц предполагает, что автором трактата скорее всего был Гр. Фед. Долгоруков или Вас.

- Лукич Долгоруков. Но, пожалуй, это еще требует уточнения. Г.Ф. Долгоруков знал, по одним сведениям, хорошо лишь польский язык и плохо латынь, за что и не был позднее отпущен в Париж, а назначен послом в Варшаву; по другим — немного латынь, итальянский и французский языки (Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2. СПб., 1863, стр. 7—9, 173; из примечаний И. Горбунова к «Журналу путешествия...», стр. 103). В.Л. Долгоруков вообще в Италии не был — вместе с Г.Ф. Долгоруковым и другими стольниками в Венецию был послан Владимир Михайлович Долгоруков («Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I, стр. 134, 611).
- ³⁹ В бытность посольства за границей в Россию приезжают первые иностранные специалисты, приглашенные Петром I: инженеры Э. Ф. Борсдорф в 1696 г. («Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.». Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, стр. 79), А. Делаваль из Франции в 1697, Д. Гольдман из Бранденбурга в 1698 и др. («Русская архитектура первой половины XVIII века. Материалы и исследования». М., 1954, стр. 167).
- ⁴⁰ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I, стр. 328. Лишь издания Тессинга разрешалось продавать в России, ввоз остальных запрещался. Но этот замысел почти не был осуществлен: типография напечатала всего несколько книг.
- ⁴¹ «История европейского искусствознания...», стр. 176—178 (глава написана А. И. Венедиктовым).
- ⁴² Так, например у Я. В. Брюса имелись три книги: «Геометрия и архитектура полская Станислава Солского на полском языке» (И. Забелин. Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса. — «Летопись русской литературы и древности...», т. I, [отд. 3]. М., 1859, № 245—247), у Петра — «Фортификация и архитектура в першпективе» и др. В работе С. П. Луппова «Книга в России в первой четверти XVIII века» (Л., 1973) дается подробная характеристика его библиотеки (стр. 184—203).
- ⁴³ Были изданы две его книги: «Побеждающая крепость к счастливому поздравлению Славной победы над азовым и к счастливому въезду в Москву...» (М., 1708) и «Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати...» (М., 1709), написанные в России с учетом боевого опыта Азова. Археографическое описание этой и других книг даны в «Описании изданий гражданской печати...»
- ⁴⁴ «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное». М., 1708. Перевод с франц. Б. Волкова (с издания: Амстердам, 1696).
- ⁴⁵ «Римплерова манера о строении крепостей». М., 1708.
- ⁴⁶ «Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте...». М., 1709. Перев. с голл. М. Шафирова (со 2-го изд. 1702 г.). (Редактор перевода Я. В. Брюс).
- ⁴⁷ «Новая манера укреплению городов ученная Чрез господина блонделя, генерала порутчика войск короля французского... Напечатана в Париже.. 1683 ... Переведена же на Российский язык... И напечатана в Москве... 1711 в марте месяце». Перев. И. Зотова, редактор Петр I.
- ⁴⁸ «Архитектура воинская, гипотетическая и эклектическая то есть верное наставление как разными немецкими, французскими, галанскими и итальянскими манерами...» М. 1709, перев. с нем. А. Г. Головкина. Книга Штурма, очень популярная в первой половине XVIII века, — неперемнная принадлежность многих собраний: Петра I, Брюса, Меншикова, Матвеевых, Еропкина, Волянского и его сподвижников Соймонова, Хрущева, Мусина-Пушкина; еще в 1751 г. Д. Ухтомский заказывал эту книгу для своих учеников.
- ⁴⁹ Это сборник реляций и «журналов» о победах русских войск в Северной войне. К каждой реляции приложен план крепости. Здесь же гравюры фейерверков, триумфальных ворот и т. п. Но по своему типу это издание не отличается от переводных. См.: Т. А. Быкова. Книга Марсова. — «Описание изданий гражданской печати...», стр. 515—523; а также в наст. изд. М. А. Алексеева. Из истории гравюры петровского времени. 2. Гравюры «Книги Марсовой».
- ⁵⁰ Это перевод И. Зотова книги А. М. Манессона Маллэ (Париж, 1684—1685). См.: «Описание изданий гражданской печати...», стр. 136—138.
- ⁵¹ Среди них широко использовались и оригиналы (на различных языках) названных в тексте переводов: и все 70 «манир», приведенных Штурмом, и мн. др. Так например, в библиотеке Я. В. Брюса хранились издания Римплера, Кугорна, Штурма, Блонделя, с которых были сделаны переводы, а также «Архитектура военная вабана на немецком языке» (книга Вобана переведена на русский в 1724 г. с французского). «Параледизмус архитектуры Муся Блонделя на немецком языке» (перевод сделан с французского), работы «Отто Смоли на швенком языке», «Адама Фретота на немецком языке», немецкие книги «Данилы Шпекле» и, конечно, все русские книги (И. Забелин. Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса, стр. 28—62). Но особенно много таких книг было у Петра I (см. «Реестры книг Собраний Петра I». — «Исторический очерк... рукописного отдела БАН», стр. 272—349).
- ⁵² «История европейского искусствознания...», стр. 351. Т. Сытина считает, что гражданской архитектурой стали заниматься примерно с 1706 г.
- ⁵³ Такие книги издавались в Европе и раньше, но особенно популярны они стали в XVII столетии. А именно сочинения XVII и затем начала XVIII в. самого различного содержания покупались для России, «старые» (определение того времени) успехом не пользовались, они — исключение. Подобные труды имелись и в библиотеках XVII в., но их было мало. Появились тогда же и первые компилятивные и упрощенные сочинения из переводных работ. Не все они имели общий просветительский смысл, некоторые создавались как учебники. Например, текст к переводу с английского книги о геометрии 1625 г.: «Сие предис-

- ловие собрал я, Ивашко князь Елизарьев сын Альбертус Долмацкий от многих учителей, и их книги у меня все...» (А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 150).
- ⁵⁴ Эту мысль подчеркивает и Я. В. Брюс — переводчик и частично автор так называемой геометрической книжки. «Однакоже не может быть едины без другия добро стояти, а кто токмо едину феоретику хвалит, делает токмо благоположенное основание, на немже никогда не строится. Яко великия медныя пушки и мартыры, которыя токмо в цехгаузе держатся, а в поленикогда возятся, и корабли, в гавани гниют. И тако ФЕОРЕТИК может применен быти ремесленнику художестве разумещу, а не действующу. Инженеру же добывающу крепости на бумаге, корабелщику же, в доме своем на морской маппе с компасом шастливо в Америку ездешу. Немного инако и тому служитца будет, иже бы токмо едину практику хотел. Зане он царскую крепость на песке строил бы, и под дунан реку подкоп бы проводил, а на остаток с баварским плотом в индею ездил бы. Того ради ясно положить возможно... однакоже совершенство единый в другои состоит, и подобно, яко бы едины с другою сродны были, и по последней мере совокуплены суть» («Приемы циркуля и линейки...». М., 1709, стр. 4—6). Речь идет о связи теоретической и практической геометрии.
- ⁵⁵ «Краткое обучение о пяти коломнах чрез Симона Боосбома Города амстердама каменного строителя ивысокоразумного винцента шамоция взято ивынунути поставлено, зело удобно младым ученикам строителной хитрости, напечатано 1694: году в Галанском языке вамстердаме у Герарда фалка, нынеже зГаланского наРоссийский переведено. Повысочайшему указу Его царского величества Государственного посолскаго приказу переводчиком Михаилом шафировым. 1708: году Генваря в 6» (ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 268/474^а). Соответственно над переводом он работал в 1707 г., а может быть, и раньше. Цитата — л. 2.
- ⁵⁶ Первые русские издания Виньолы давно уже привлекают внимание исследователей. См. например: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, № 155; Ю. Битовт. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. М., 1905, № 35. Самое подробное описание книги, историю подготовки ее к печати, сравнение сохранившихся экземпляров дается в «Описании изданий гражданской печати...», стр. 100—102. См. также: «Русская архитектура первой половины XVIII века...», стр. 16; «История европейского искусствознания...», стр. 352.
- ⁵⁷ Экземпляр ГБЛ (1709 г.) имеет такую надпись: «Сия книга архитектура правительствующаго Сената Архитектора Елизвоя Семеновича его благодародия Назарова».
- ⁵⁸ В собрании Петра было 6 таких книг, у Брюса — две, имелся экземпляр у А. А. Матвеева и т. д.
- ⁵⁹ Наличие чертежей Палладио в этой книге впервые отметила Т. М. Сытина («История европейского искусствознания...»,

стр. 352). Они имеются в обоих изданиях. 1709 и 1712 гг. Оба издания в целом одинаковы: совпадают текст и иллюстрации. Разница лишь в подписях к гравюрам в издании 1712 г.: они переведены на русский язык.

- ⁶⁰ Лишь в «Описании изданий гражданской печати», авторы которого старались самыми разными документами подтвердить буквально каждый факт, сказано: «не удалось установить, какое издание Виньолы было взято в основу русского перевода» (стр. 100), но и здесь говорится о русских дополнениях текста.
- ⁶¹ «Regola delli cinque ordini d'Architettura». Русский перевод этого издания опубликован в 1939 г.
- ⁶² Для этого достаточно посмотреть библиографию к переводу 1939 г., где приведены все оригинальные издания и последующие обработки трактата (стр. 164—167).
- ⁶³ К сожалению, нет точных сведений, какие книги покупались для России в 1700-е годы и какие в последующие, пока можно говорить лишь о первых десятилетиях целиком. Так, в Собрании Петра было несколько изданий Виньолы: «О пяти ординах архитектуры от Фигнола на италианском». Венеция, 1603 (с добавлениями М. О. Ридольфи); «Регел о пяти ординах архитектуры, пред[ъ]явлено чрез Якова Барочия фон — Фигнола, умножена снова некоторыми строениями от Михела Ангело; печатана 1610 году на французском, латинском, галанском и немецком»; «Остус Данкерсова опяти ординах», т. е. [Vignola]. Beschryvinge van de vijf Ordens der Architectura, [б. г.] издание Данкерта с предисловием на голландском и немецком языках; «Якова Барас: Вигнола правила пяти рядов архитектурских». Кроме того Петру были известны и работы Давилье: «Дафилерсова строение умножено от Леонгарда — Христофора Стурма, напечатана в Амстердаме в 1699 году на немецком» и парижское издание «Cours d'architecture qui comprend les ordres de Vignole, avec des commentaires, les figures, et descriptions des ses plus beaux bâtimens, et de ceux de Michel — Ange...» (v. 1. Paris, 1694; v. 2. Paris, 1693). См. названные выше «Реестры книг Собрания Петра».
- Особо хотелось бы отметить два издания библиотеки Брюса: голландское и русское, названные в каталоге рядом — № 49, 50 (И. Забелин. Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса, стр. 33). Он возглавлял печатное дело и, быть может, давал для перевода свои книги. Но книга могла быть дана и из собрания Петра — такие случаи известны. Наконец, существовала библиотека при Синодальной типографии, где печатался этот перевод. Но в настоящее время кроме русского издания там значится лишь экземпляр середины XVII в.: «Règles des cinq ordres d'architecture de Vignolle, revues augmentées et du grand en petit par Le Muet». Эта книга, напечатанная в Антверпене, сходная с русской по форме, но с меньшим числом иллюстраций.
- ⁶⁴ Оригинальность чертежей ордеров также ставится подчас в заслугу издателям перевода. Но суть лишь в том, что в отличие от большеформатных изданий Виньолы это

небольшая книга, а потому некоторые гравюры как бы разделены — детали (построение воллуты, импосты и т. д.) даются отдельно.

⁶⁵ «Исторический очерк... рукописного отдела БАН», стр. 24—26.

⁶⁶ См. прим. 38.

⁶⁷ Любопытно, что эта рукопись рассматривалась когда-то как часть переводов XVII в. (см.: И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). — «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», 1891, ч. 24, стр. 93). Выстроенные в один ряд, они говорят о весьма разностороннем диапазоне работы переводчиков допетровской Руси. Действительно, уже в самом факте перевода с латинского (по утверждению Шляпкина) — традиции XVII в. А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 45.

⁶⁸ А. А. Тиц. Указ. соч., стр. 19.

⁷⁰ Впрочем, это не было абсолютной новацией, в России XVII столетия также интересовались Голландией (подробнее см.: М. А. Алпатов. Указ. соч.). Преимущественно с голландских изданий XVI—XVII вв. (а также с польских) делались тогда переводы не только собственно голландских, но и французских, английских, итальянских, немецких авторов (А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 50). Голландию ценил В. Голицын, произнесший о ней целую хвалебную речь на обеде у голландского посланника (И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 172). То есть Петр не случайно избрал Голландию целью своей первой поездки — он достаточно много знал об этой стране. Но, конечно, чуть ли не всеобъемлющий интерес к Голландии, интерес прежде всего практический, свойствен лишь 1700-м годам.

⁷¹ Приведем примеры из библиотеки А. А. Матвеева, посла в Голландии с 1699 г. «Гроция погодное описание о делах Галланских», «История о делах и городе Амстердаме», «Описание о Галандии», «Реляция путешествия короля Англинского в Галандию», «Книга дом галанской Клиндделдал планы и фасады», «Книга трактаты галанские...» и т. д. («Опись библиотеки гр. Артамона Артамоновича Матвеева...», стр. 58 и сл.). Много голландских книг было у Брюса, но особенно у Петра.

⁷² Вернее, в первом издании на гравюрах, взятых из трактата Виньоли, — итальянский текст, но он воспроизводился и в переизданиях XVII в. (французских, немецких, голландских и др.), подписи к дополнениям — по-французски. Но это вовсе не свидетельствует о месте издания — ведь книги, издаваемые в Амстердаме, имели параллельный текст на нескольких языках.

⁷³ ЦГАДА, Кабинет Петра, отд. 1, оп. 2, ч. II. кн. 54, л. 328 и сл.

⁷⁴ Там же, л. 379—387.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 34.

⁷⁶ О подобных вариантах, хранящихся в других собраниях, см.: «Описание изданий гражданской печати...», стр. 100—102.

⁷⁷ «Правило о пяти чинех», стр. 1, 2, 3.

⁷⁸ ЦГАДА, кн. 54, лл. 379 об., 380.

⁷⁹ Быть может, основной текст переводил

М. Шафиров — стиль неопубликованного перевода Скамоцци и Виньоли сходен. В связи с этой книгой упоминается имя архитектора Марио Фонтана, работавшего тогда в Москве. Отметив в корректуре некоторые неточности перевода, Петр велел ему исправить термины («Русская архитектура первой половины XVIII века...», стр. 16). Правда, речь шла о втором издании, но, возможно, Фонтана работал и над первым. Вероятнее всего, он переводил подписи к гравюрам, то есть текст, который добавлялся к рукописи из Кабинета. ⁸⁰ «Исторический очерк... рукописного отдела БАН», стр. 314. А на другом экземпляре этой книги, хранящейся в БАН, есть и такая надпись: «Сия книга геометрия... адмиралтейского архитектуры ученика... Буданцева» («Описание изданий...», стр. 102).

⁸¹ Традиция эта сохранилась и до наших дней. «Правило о пяти чинех» рассматривается среди прочих русских книг по технике в работе В. В. Данилевского «Русская техническая литература первой четверти XVIII века» (М.—Л., 1954, стр. 117—122).

⁸² Название рукописи — см. прим. 55, то есть, возможно, Шафиров одновременно переводил две архитектурные книги.

⁸³ Подобно трактату Виньоли, книги Скамоцци в различных изданиях встречаются в собраниях петровского времени. Как указывалось выше, об этом авторе знали и в конце столетия. В «Реестрах книг Петра I» названы издания: Рим, 1694, Нюрнберг, 1697, Амстердам, 1689 и, наконец, Амстердам, 1694. Однако последняя книга — переложение И. Шхуима («Еще регулы Скамоцциевой Архитектуры чрез Ехаима Шхурма...»), о котором Шафиров даже не упоминает («Исторический очерк рукописного отдела... БАН», стр. 321, 322, 354).

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 268/474^а, л. 2 об.

⁸⁵ «Краткая гражданская Архитектура. Поисправному размеру старому иновому, где нетомко открываются розные погрешения славнейших архитекторов, нондается особливо, новые правила опять образцах архитектуры, ради согласия пропорции то есть размеров, совсем последовано лутчим древним рымским и славнейшим автором, образом кратким, иелико возможно разуметелным, Чрез яна балтазара лаутербаха архитекта их величества Светлейших Брауншвейнских илинебургских принципов и профессора математики, в волфенбителе. Напечатана в амстердаме, у И. делафевилфа, 1699, году переведена с французского на российский» (ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 269/474 в). Архивные данные и название этой рукописи впервые приводятся в статье В. Шилкова «Русский перевод Витрувия начала XVIII века» («Архитектурное наследство», вып. 7. Л.—М., 1955, стр. 89 и 92, прим. 2). Но Шилков считает 1699 год датой перевода (это год издания) и рукопись — французским пособием. Приводимая в тексте цитата — л. 2. В библиотеке Петра имела и другая книга Лаутербаха: «Kort Begrip van de Burgerlyke Bouw—Konst...» (Rotterdam, 1705) с надписью «Леуторбахова архитектура».

- ⁸⁶ «Мы еще имеем ныне изрядные книги витрува древняго архитекта искуснейшаго иславнейшаго всеюм времени. також ипласовы серлиевы, вонюловы, бранковы (вероятно, издатель—*Н.Е.*), петра катанея винченца скамоция и протчих неисчисляя; книг роланда треарта биессарта (*G. Boissart* — типограф в Лионе.— *Н.Е.*), блонделя, демиеста...» (л. 2, об.).
- ⁸⁷ «Архитектуры Гражданския. Показуя розные каппы или покрытия, так Башней Церквей, також многих лутчих домов, и протчая. И некоторых лествиц круглых, Потребно всем рачителям иучеником хитрости строения выдано Юстом данкерсом с позволением, инапечатана унего вамстердаме нагаланском языке» (ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 270/474 с). В статье Шилкова об этой рукописи сказано: «в 1708 году Михаил Шафиров подготовил к изданию переводы выдержек из книги Юста Данкерта по архитектуре, геометрии, артиллерии и фортификации» (*В. Шилков*. Указ. соч., стр. 89). Но в самой рукописи имя Шафирова не упоминается.
- ⁸⁸ «... Человеку паше всех вещей, отчего он похвалу и славу получитьи уповае, домо-строение наилутчее есть, понеж безпокойного жилища человек совершенно радостно жити неможе, издрание содержи ипротчая, и сице потребность оного зело высоко почитатися подобает... понеже ничто насвете необретается еже человеком может более увеселения дати, яко благо-учрежденное строение, которое свои разделения попропорции, и все потребные упокойства имеет, и неможе також всумнения быти, что покойной и благопостроенной дом отчеству великую честь приносит, ивесь город украшает...» (ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 270/474 с, лл. 1 об., 2).
- ⁸⁹ Там же, л. 4.
- ⁹⁰ Например: лист. 15. Показует кап свисящую коломною или столбом, в середине, иимеет свое утверждение вверху свяске или ряду скрестом сквозь столб проведенным здвумя стутами (подпоры) натом, идвема наверху бинде (связке) скважнями иперьями вместе совокуплена возможно також, 2, малые бруса отодного до другого бинда положить...» и т. п. (там же, л. 7, 7 об.).
- ⁹¹ Видимо, часть перевода утрачена, так как, судя по тексту, на последних страницах дальше пойдет речь о трубах (или «дымницах»), которые «изобретены чрез Господина булета архитекта королевского», и об архитектуре «розных новых ворот или дверей домовых...»
- ⁹² ЦГАДА, ф. 181, д. 394/846. Это черновик с многочисленной правкой и с ссылками на полях: «о сем пишет витрувий», «... иезуит Иван франтишек», «... паладиус» и т. д. Обе главы посвящены устройству фонтанов, каскадов и т. п. По нумерации пере-водчика рукопись начинается с 364 страницы. Впервые рукопись упоминается в кн.: «Указатель материалов к истории промышленности и развития прикладных знаний в России». Сост. И. Ф. Токмаков. М., 1882, стр. 26—27 (перев. не датирован). См.: *В. Шилков*. Указ. соч.
- ⁹³ «Записка кому какие книги отданы для переводу» — ЦГАДА, Кабинет Петра, отд. 1, оп. 2, ч. II, кн. 54, л. 36. Текст можно датировать второй половиной 1710-х годов, так как Маттарнови приехал в Россию в 1714 году, а умер в 1719 («Русская архитектура первой половины XVIII века...» стр. 134).
- ⁹⁴ ЦГАДА, Кабинет Петра, отд. 1, оп. 2, ч. II, кн. 54, л. 428 об. Названия некоторых книг из этого списка опубликованы в кн.: *А. Михайлов*. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954, стр. 364.
- ⁹⁵ «Исторический очерк... рукописного отдела БАН», стр. 24. Имеется, возможно, в виду книга А. Фелибьена об архитектуре, живописи и скульптуре, изданная в конце XVII в. в Париже, с гравюрами Леклерка. Она же, вероятно, значится и в списке Ю. Кологривова (ЦГАДА, кн. 54, л. 429).
- ⁹⁷ *А. А. Тиц*. Указ. соч., стр. 25—26.
- ⁹⁸ «Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина». — «Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый им под ред. М. И. Семева...», кн. 1. Спб., 1890, стр. 130.
- ⁹⁹ Там же, стр. 122, 155, 169, 236 (заметки 1705, 1706 и 1708 годов).
- ¹⁰⁰ Там же, стр. 91 (из дневника 1707 г.).
- ¹⁰¹ Цит. по кн.: «История европейского искусствознания...», стр. 351.
- ¹⁰² Например: «Il tempio, Vaticano e sua origine con gli edifici più conspicui antichi e moderni... dal cav. Carlo Fontano», «Romae magnitudines monumenta dom. de Rubels», «Symbolica Dianae Ephesiæ statua». «L'arte di restituire a Roma...», «Vestigi delle anchità di Roma, Tivoli, Pozzovo ed altri luoghi etc.», «Le antici lucerne sepolcrali figurate di Pietro Bartoli, con l'osservazioni di Pietro Bellori». «Roma e guida al cielo, cioè memoria locale di segni manifesti della vera fede di p — re Gio. Lor. Lucchesini». (Каталог книг, отправленных князем Б. И. Куракиным из Гамбурга в Архангельск для царя Петра Алексеевича 2/13 апреля 1708 года. — В кн. «Архив князя Ф. А. Куракина...», кн. 4 [Саратов], 1893, стр. 128—130.)
- ¹⁰³ «Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева)». Публ. И. С. Шарковой, Л., 1972.
- ¹⁰⁴ «Статейный список П. И. Потемкина (Франция)». — «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. ...», стр. 314—315.
- ¹⁰⁵ Цит. по кн.: «Русский дипломат во Франции...», стр. 64—65.